

ГОСТЬ «МОСКОВСКОЙ ПРАВДЫ» — ВЯЧЕСЛАВ ПЬЕЦУХ

Моск. правда - 1993 - 22 мая - с. 7

«И бремя мое легко»

— Вячеслав Алексеевич, в наше сложное время, когда возникающие границы обрывают давние человеческие контакты, когда народы, казалось бы, дружившие, берутся за оружие, не страшно ли было вам возглавить журнал, название которого — «Дружба народов»?

— Дружба народов никуда не делась. Воюют между собой политики и те наивные люди, которых эти политики умудрились надуть. Хотя даже умудриться нечего — надуть большинство людей не составляет никакой проблемы.

А чисто по-человечески, как мы все дружили, так и дружим. И между простым казаком, украинцем, грузином не может быть никаких трений. Однако есть одна странная загадка. На каком-то количественном уровне, на уровне какой-то людской численности дружба, братство вдруг способны перерасти сначала в настороженность, а потом, может, и во вражду. Это серьезный, сложный, даже, по-моему, окологлобальный вопрос.

Что же касается журнала «Дружба народов», то мы по-прежнему печатаем представителей бывших так называемых национальных литератур, писателей из новых суверенных государств. И читают нас по-прежнему во многих бывших республиках. Примерно треть нашего тиража расходуется за пределами России. Так что ничего пугающего на пути к редакторской должности у меня не было.

— Быть главным редактором толстого журнала — дело очень хлопотное. Вы же — человек творческий. Как решились оторваться от своего письменного стола?

— Я, собственно, ничего не решал. За меня что-то решило. Может, время, может, какие-то посторонние силы. Потому что я был решительно не готов взвалить на себя это бремя. Но время сейчас чрезвычайно интересное и легкое. Легкое в том смысле, в каком говорил Иисус Христос: «И бремя мое легко». Святое дело — сохранить проводник русской и многонациональной литературы, то есть помочь исполнению тех функций, которые исторически возложены на журнал.

Конечно, приходится тяжело. Но знаете, пока все получается, — и своей прозой заниматься, и журналом. Так что от письменного стола я не оторвался. А сочетаются разные виды деятельности очень просто. Человек встает в семь утра, в полвосьмого садится за рабочий стол и три-четыре часа занимается литературой. На свежую голову. Потом едет в редакцию и занимается непосредственно журналом — то есть звонит по телефону, подписывает бумаги, беседует с людьми, безуспешно пытается выбить деньги. Затем он набирает полную сумку рукописей, едет домой и читает до глубокой ночи. И все это повторяется по кругу изо дня в день.

— Вы, конечно, знаете поговорку: «Новая метла по-новому метет». Это относится к вам как к главному редактору?

— Единственная мелкокаштанная революция, которая произошла, — это расширение круга народов, которым хорошо было бы дружить. Теперь в этот круг включены практически все народы, населяющие нашу планету.

Что же касается моей редакторской деятельности, то я не склонен командовать. Как писатель я имею моральное право командовать только своими героями, но не коллективом делкатных, высокообразованных, мудрых людей. Пока вроде бы получается принимать коллективные решения.

Другое дело, действительно, есть какой-то диктат собственного вкуса. Но я все-таки доста-

точно квалифицированный читатель. За 40 лет читательского стажа немудрено было выработать вполне приличному вкусу. Хотя при чтении рукописей иногда сталкиваешься с таким литературным уровнем, который вызывает отторжение. Но я понимаю, что необходимо быть шире, снисходительнее и не делать литературу «под себя». Это действительно проблема, и придется как-то перестраиваться.

Вообще я не склонен переоценивать роль главного редактора. Процесс составления, комплектования журнала такой же объективный, как и прочие — исторический или процесс химических реакций. От меня, конечно, зависит многое, но далеко не все. Я даже не думаю, что от меня зависит главное. Главные редакторы до 1991 года, когда их присылали со Старой площади, ощущали себя живыми богами. А сейчас главный редактор — член коллектива, который, может быть, имеет при голосовании лишь на полголоса больше. Если у него, конечно, «есть голос» в национальной литературе.

— Вы как писатель формировались в культурном пространстве Москвы, что не могло не отразиться на ваших эстетических взглядах, литературном стиле. Теперь культурное пространство, которое попало в круг ваших интересов, расширилось до размеров планеты. Чувствуете ли вы себя в нем столь же уверенно?

— Я никогда не чувствовал себя ограниченным, скажем, рамками Кремлевской стены или несуществующих стен Китай-города, Земляным валом. Я всегда ощущал себя человеком общерусским, даже общеевропейским. Единственно, психологически не чувствовал себя в западном полушарии. Так что в этом плане ничего не изменилось.

А настоящая литература вся находится под одним знаком. Это — знак прекрасного. Литература внациональна. Национальность каждой литературы — это высочайшая культура. Так что для меня все другие обстоятельства просто не существуют.

— А как вы сейчас пополняете свой редакционный портфель? Ведь даже обычное письмо зачастую на пути из одного суверенного государства в другое теряется.

— Техническая сторона вопроса общения не сложна, поскольку существует такое полезное изобретение, как факс. Хотя то, что резко обеднило связи с бывшими республиками и нам сейчас авторы практически ничего не присылают. Мы сами ищем интересные произведения, и это, может, даже к лучшему: прежде приходилось прямо-таки отбиваться от межнациональной графомании, а сейчас мы

печатаем то, что хотим, что считаем истинной литературой.

Знаете, литература и все, что вокруг нее, — это большая тайна. Интересное, талантливое как-то само отыскивается. Вдруг появляются какие-то потрясающие английские, французские вещи, откуда-то выплывают удивительные грузинские, азербайджанские, бурятские произведения. Так что редакционный портфель не пустеет. Но это в основном заслуга сотрудников, уже давно работающих в журнале. Хотя я и принимал участие в подготовке трех номеров, ни один из них пока не вышел с грифом: «Главный редактор — Вячеслав Пьецух».

— А писатель Вячеслав Пьецух где планирует публиковать свои новые произведения?

— Главным образом в журнале «Дружба народов». Я человек наивный и считаю, что все-таки какое-то литературное имя имею. Поэтому рассчитываю, что, глядишь, своим именем привлеку дополнительно 200—300 подписчиков из числа тех чаровниц, с которыми я имел честь познакомиться за последние 3—4 года.

— Может, ваше имя привлечет и большее число читателей. Однако у всех толстых журналов катастрофически упали тиражи. Ведете ли вы какую-нибудь рекламную кампанию, чтобы сохранить подписчиков?

— Рекламные акции мы проводим, но они, как мне объяснили, бессмысленны. Как говорит министр информации и печати, чем меньше будет тираж, тем лучше. Читающему народу, конечно, будет хуже, но правительству — легче. Чем меньше тираж — тем меньше средств потребуется на дотации толстым журналам, поскольку их выпуск — дело убыточное.

Со спонсорами у нас пока ничего не получается. Как показала практика моих попыток общения с представителями финансового, делового мира, эти связи нарабатываются долго и трудно. Прийти и немедленно договориться, допустим, с Инкомбанком, чтобы он выделил какую-то сумму на поддержание жизненных соков — даже не журнала, а сотрудников, пока не представляется возможным.

Поэтому я с оглядкой занимаюсь тем, что раньше называлось пропагандой журнала. Даю бесчисленные интервью, а у самого под ложечкой сосет — вроде министр не велел. И в телевизионных передачах как-то скукоженно показываюсь. Вроде одной рукой работаю на реноме своего издания, а другой рукой сам себя гублю, пытаюсь действовать. Чем больше тираж, тем больше дефицит средств и, значит, тем ближе к смерти. Логика простая и страшная.

Л. ФОМИНА

959